ризует противоположность экономических интересов служилых дворян и монастырей и указывает на крестьян, т. е. на рабочую силу как на предмет их раздора.

Но, конечно, существовавшие до этого постановления противоречия в экономических интересах между монастырями и служилым дворянством, после отмены тарханов на монастырских землях, не могли сразу исчезнуть. Отмена эта проводилась далеко не с безукоризненной последовательностью и твердостью. Весь XVII в. знает еще тарханы монастырей. Да и причины противоречий в экономических интересах между монастырями и служилым дворянством были не в одних только тарханах.

На протяжении XVI в. борьба между дворянством и монастырским духовенством несколько раз проявлялась весьма напряженно то в форме открытых и резких политических стычек, то в завуалированной форме морально-религиозных споров. Материалы Стоглавого и других соборов, государственные грамоты и протоколы судов над „еретиками" свидетельствуют о крайней непримиримости этой борьбы. Но все эти документы говорят только о самых ярких вспышках ее. Конечно, этими вспышками она не ограничивалась. Она захватывала в более мягких формах широкие круги служилого дворянства, глубоко входя в его быт. Она являлась причиной возникновения в дворянской среде своеобразного недовольства существующей официальной церковью; недовольства чрезвычайно сложного, неопределенного, неясного, но все же нередко приводившего к отрицанию монашества, к индиферентному отношению к церковным службам, к поддержанию и распространению „теории" о значении „домовней" молитвы и пр.

Вот это полурационалистическое брожение, сказывавшееся в религиозной сфере, но имевшее социально-экономическую подоплеку, и запечатлел для нас Дружина Осорьин в реалистической характеристике Улиянии. Точный и непосредственный в передаче воспоминаний о своей матери, он внес в ее характеристику черты, явно противоречившие представлению официальной церкви о „добродетельной" жизни.

Воспитанная в юности в полном согласии с господствующими взглядами и представлениями в области религии, Улияния под влиянием тяжелого душевного состояния, вызванного смертью двух ее сыновей, хочет поступить в монахини. „Моли мужа отпустити ю в монастырь", — говорится в повести,—„и не отпусти..." И после этого до конца своей жизни Улияния уже больше не стремится к пострижению.

Еще любопытнее отношение Улиянии к посещению церкви: она то посещает церковь, то прекращает эти посещения. Это, конечно, шло в разрез с общепринятым поведением христианина. Уже в XIV в. митр. Алексей (1354—1378 гг.) вопросу о необходимости хождения в церковь, о важности церковной молитвы посвятил целую треть своего „окружнаго послания к пастве". Здесь он пишет: „К церковной службе будьте поспешны. Не говорите: отпоем себе дома. Такая молитва не может иметь никакого успеха без церковной молитвы. Как храмина без огня